Сотник еще раз оглядел невысокую плотную фигуру бунчука. Напоминал он обдонское дерево карагач: ничего броского, бросающегося в глаза в нем не было, ни одна черта не отмечалась яркостью, все было обычно серо. Лишь твердо загнутые салазки подбородка да глаза, ломающие встречный взгляд, выделяли его из гущи остальных лиц. Весь он был скупо-сдержан на краски, холодно-сдержан — карагач, выросший на сером супеси неприветливого осеннего земли. Улыбался он редко, изжелчивыми губ, но глаза от улыбки не мягчели, неприступно сохраняя железный свой блеск.

Некоторое время они ехали молча. Широкие ладони бунчука лежали на облупленной зеленой луке седла. Листницкий достал папиросу и прикуривая от спички бунчука почувствовал, 1. от рук его 2. отчетливый знакомый запах пота. Коричневые волосы на тыловой стороне ладоней лежали густо, как лошадиная шерсть, Листницкому невольно хотелось погладить их.

Глотая терпкий дым он проговорил.

— От этого леса вы и еще один казак поедете по тому проселку влево. Видите?

— Да.

— Если на расстоянии полуверсты не нападете на нашу пехоту вернетесь.

— Слушаю-с.

Они поехали рысью. Березки-подружки стояли на отшибе у леса тесной кучей. За ними толпился глаз нерадующая оголенность низкорослого соснового курчавилось редкое мелколесье, и кустарник, помятый скакавшими через него всадниками обозами. Вправе давил глухо артиллерийский гром. Здесь же у березок было тихо. Ваниль питала богатую росу, розовели травы все яркочастые, наливные, в предосеннем, прощальном своем цветении. Листницкий остановился возле березок рассматривая в бинокль взгорье, сгрудившееся за лесом. К нему на гнедую голову шашки сбил пчела, расправляя крылышки.

— Крупная, — сожалеюще и тихо сказал бунчук осуждая пчелиный промах.

— Что? — оторвался от бинокля Листницкий. Бунчук глазами указал ему на пчелу и Листницкий улыбнулся.

— Чей будет ее мед, как вы думаете, бунчук?